

Особую известность автору принес роман **«Линии судьбы, или Сундучок Милашевича»** (1980–85, 1-я публикация — Дружба народов. 1992. № 1–2). Вместе с повестями **«Прохор Меньшутин»** (1971) и **«Провинциальная философия»** (1977) роман составляет трилогию, своеобразный «эпос провинции». Они объединены общими персонажами, дополняют и поясняют друг друга. События в них упорядочены историей.

В повестях **«Прохор Меньшутин»** и **«Провинциальная философия»** события разворачиваются в едином хронотопе, здесь выписывается история небольшого городка с его размеренной и спокойной — провинциальной — жизнью, существенно не изменившейся ни после революции и коллективизации, ни после войны. На фоне «больших» событий в истории страны заботы провинциалов выглядят «мелкими» и «ничтожными», но единственно подлинными и искренними, по мнению автора.

В романе **«Линии судьбы...»** повествование становится более свободным, не ограниченным исторической «линией»: единство «места» и «времени» не соблюдается. Сознание автора и героя чередуют прошлое и настоящее, столицу и провинцию, «свое» и «чужое». Главный герой романа, филолог Лизавин, занимается изучением архива умершего в 1920-е писателя Симеона Милашевича. По оберткам конфетных фантиков, которые и составляют наследие Милашевича, главный герой пытается воссоздать, воспроизвести «линии судьбы» Милашевича, связать их с «линиями» времени, людей и страны. Диалог сознаний Лизавина и Милашевича составляет центральную нить романа, сплетая воедино судьбы разных людей, разных времен и поколений, вырисовывая особую систему «провинциальной философии». Объясняя ее, Х. говорит: «...провинциал — это не географическое понятие, это категория духовная, способ существования и отношения к жизни, основанной на равновесии, гармонии и повседневных простых заботах. Это как бы женственная основа бытия. Залог ее теплой устойчивости, место, куда возвращаются после поисков, потрясенный и жестокого к себе и другим героизма. Провинция может быть и в многомиллионном городе, и в душе каждого человека. Так говорил Милашевич. Я цитирую повесть „Провинциальная философия“, там впервые появляется Милашевич» (Лит. газ. 1992. 23 дек.).

Особую грань творчества Х. составила его книга эссе **«Способ существования»** (1998): «Эта книга в основном <...> родилась из заметок, которые я веду много лет, чаще

всего на мелких листках, напоминающих фантики, конфетные обертки, на чистой стороне которых любил записывать мелькнущую мысль или впечатление герой моего романа „Линии судьбы...“. В ней автор размышляет об искусстве и лит-ре, но еще о своем времени и о своем поколении, об ушедших друзьях — поэте Д. Самойлове, скульпторе В. Сидуре, историке Н. Эйдельмане, поэте и юристе И. Габае и др.

Др. произведения: **«Этюд о масках»** (1972; опубликован 1988), **«Два Ивана»** (1980; опубликован 1988), **«Сторож»** (1988; опубликован 1994), **«Голоса»** (1990; опубликован 1994), **«Возвращение ниоткуда»** (1995).

Лауреат лит. премии Букер за роман **«Линии судьбы, или Сундучок Милашевича»** (1992), премии за лучшую иностр. эссеистику за книгу **«Способ существования»** (1997, Франция).

Соч.: День в феврале. М., 1988; Этюд о масках. Харьков, 1994; Избранная проза: в 2 т. М., 1994; Возвращение ниоткуда. М., 1998; Способ существования: эссе. М., 1998; Автобиография // Писатели России: Автобиографии. М., 1998.

Лит.: Ранчин А. Зыбкий воздух повествования // Новый мир. 1992. № 1; Померанц Г. Божественная кривизна // Стрелец. 1993. № 1; Липовецкий М. Диалогическое воображение // Русский курьер. 1993. № 2; Кузнецов И. Истина непостижима, но... // Лит. газ. 1994. 16 нояб.; Турбин В. Карнавал, а дальше что? // Аврора. 1997. № 6; Насрутдинова Л. «Новый реализм» в русской прозе 1980–90-х годов (концепция человека и мира): автореферат канд. дис. Казань, 1999; Шкловский Е. [Харитонов М. С.] // Русские писатели 20 века: Биографический словарь / гл. ред. П. Николаев. М., 2000.

О. В. Богданова

ХАРМС Даниил Иванович (настоящая фамилия Ювачев) [17(30).12.1905, Петербург — 2.2.1942, в заключении] — поэт, прозаик, драматург.

В творческой личности Х. по-своему сказались характер и убеждения его отца И. П. Ювачева, родившегося в семье дворцового полотера, после окончания морского училища служившего на флоте штурманом, участника народовольческого движения. В 1833 И. П. Ювачев был приговорен к 15 годам заключения. Около 4 лет провел в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, откуда был переведен на сахалинскую каторгу. Освободившись (1895), Ювачев порвал с революционным прошлым и проявил

себя как глубоко религиозный человек с ортодоксальными принципами. У сына же постоянно сочетались творческая дерзость, отрицание установленных канонов с религиозным чувством.

Х. учился в Петершуле — Главном немецком училище святого Петра (отсюда свободное владение немецким яз.), перешел во 2-ю Детскосельскую советскую единую трудовую школу (бывшая Мариинская гимназия в Царском Селе). По ее окончании (1924) поступил в Ленинградский электротехникум, но его не окончил: увлечение поэзией перебило др. занятия.

Самое раннее из сохранившихся стихотворений Х. относится к 1922 («**В июле как-то лето наше...**»). А с публичным чтением своих стихов он впервые предстает в 1925 в составе туфановского «Ордена замаников DSO». Сближение с А. Туфановым во многом определило творческое лицо Х. Следуя принципу «театрализации жизни», он создал свой экстравагантный образ благородного чудака на иностранный манер: двубортный жилет, гольфы, тяжелая трубка в зубах — и непрерывные странности в поведении, шокирующие здравомыслящих. «Человек-спектакль» — так скажет о нем один из современников (Семенов Б.— С. 281). Туфановская поэтика тоже оказалась созвучной худож. экспериментам Х. Это техника смыслового «сдвига», «текучести», фрагментарности композиции. Правда, уже изначально Х. отошел от главного направления учителя и сделал упор не на фонический принцип стихосложения (хотя и превосходно его использовал при исполнении стихов — своих и чужих), а на семантический: «Как-то бабушка махнула, / И тот час же паровоз / Детям подал и сказал: / Пейте кашу и сундук» («**Случай на железной дороге**»).

Отход от А. Туфанова предопределила и его дружба с не зависимым ни от кого А. Введенским, вместе с которым в 1926 Х. создает «Школу чинарей» — камерное сообщество, куда помимо двух поэтов вошли философы Я. С. Друскин, Л. С. Липавский (печатался под псевдонимом Л. Савельев как автор научно-популярных книг для детей) и увлеченный математикой поэт, впоследствии редактор детского ж. «Еж» Н. Олейников. Существенность игрового момента в деятельности Х. и его соратников проявилась в том, что до сих пор ни его псевдоним, ни смысл слова «чинари» однозначно не расшифрованы. «Хармс» трактуется и как «обаяние», «чары» (от французского *charm*), и как «вред», «несчастье» (от английского

harm), и как Чародей, и как намек на Шерлока Холмса. Всего же около 30 псевдонимов использовал Даниил Ювачев: кроме указанного основного, — Чармс, Гармониус, Шардам, Дандан, а также Иван Топорышкин, Карл Иванович Шустерлинг и мн. др. И слово «чинарь» (Х. подписывался тогда «чинарь-взиральник») имеет тоже лишь предположительное толкование: от понятия «чин» или «духовный ранг». Окончательная расшифровка просто невозможна, ибо главным принципом творчества и жизненного поведения Х. и Введенский избрали алогизм. В середине 1920-х такая позиция окрашивалась еще в веселые тона. Частые выступления где угодно: то в тургеневской библиотеке, то в Госпароходстве, то на вечере в Союзе поэтов (туда Х. приняли в марте 1926). Всегда — эпатаж, атмосфера скандала.

Стихи Х. появились и в печати: «Случай на железной дороге» в сб. «Собрание стихотворений» (Л., 1926), «**Стих Петра Яшкина**» в сб. «Костер» (Л., 1927). В янв. 1928 «Афиши Дома печати» публикуют декларацию ОБЭРИУ, где участники объединения претендуют на выражение «органически нового мироощущения». Тогда же они организуют шумный вечер «Три левых часа», гвоздем программы которого стала постановка пьесы Х. «**Елизавета Бам**». Творческое лицо ее автора в декларации было определено так: «Поэт и драматург, внимание которого сосредоточено не на статичной фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях. В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла. Действие, перелицованное на новый лад, хранит в себе „классический“ отпечаток и в то же время представляет широкий размах обэриутского мироощущения» (Афиши Дома печати. 1928. № 2. С. 12). В этой характеристике выделены два свойства хармсовской поэтики: динамизм и, при видимой модернистской алогичности, классическое основание. Не случайно С. Маршак потом скажет о Х.: «Человек с абсолютным слухом и какой-то — может быть, подсознательной — классической основой» (Письмо к А. В. Македонову // Маршак С. СС. М., 1972. Т. 8. С. 509).

В 1928 Маршак привлек Х. к работе в ленинградском отделе «Детгиза», и тот стал одним из ближайших его соратников в создании новой лит-ры для детей. «**Иван Иванович Самовар**» (1928), «**Иван Топорышкин**» (1928), «**О том, как папа застрелил мне хорька**» (1929), «**Веселые чижы**» (в соавторстве с С. Маршаком, 1929), «**Миллион**»

(1930), **«Врун»** (1930) и др. 11 отд. изд. Х., предназначенных для детского читателя, появились при его жизни, и сам А. Луначарский сказал, что Х. «является первооткрывателем веселой детской книги» (см.: Семенов Б.— С. 259).

На рубеже 1920–30-х не без влияния «чинарей»-философов, а также космического супрематизма К. Малевича и «зоркого ведания» М. Матюшина он попытался создать учение о «цисфинитной логике», где отбрасывалась логика «научная», а утверждалась «творческая», по которой нарушение идеального начала в мире создает самую жизнь (Из рукописной тетради Х. 1931. ОР РНБ). Такому миропониманию соответствуют стих. Х. **«Звонить — лететь (Третья циcфинитная логика)»**, **«Не теперь»**, **«Вечерняя песнь к именам моим существующим»** (все — 1930), стихотворные диалоги **«Мечь»** (1930), **«Окно»**, **«Вода и Хню»**, **«Комедия города Петербурга»** (все — 1931). Не случайны интерес Х. к оккультизму, переписывание им работ Папюса, увлечение загадочными знаками (см.: Никитаев А. Тайнопись Даниила Хармса: Опыт дешифровки // Даугава. 1989. № 8. С. 95–99). Вывод Х.: художник должен делать установку не на следование нормативной логике, а на отступление от нее. То же и в быту: суть жизни — в отступлении от утвержденных канонов поведения.

Последствия такого устроения, которое Х. не скрывал, не заставили себя ждать. В дек. 1931 Х. вместе с др. работниками Детского сектора ЛЕНОТГИЗа был арестован по

Д. И. Хармс

подозрению в антисоветской деятельности. На допросах Х. вел «абсурдистскую» игру, вызываясь называя свое творчество «вредительским» и «антисоветским». Был приговорен к заключению в концлагере на 3 года, что было в 1932 заменено ссылкой в Курск, куда его сопроводили вместе с А. Введенским. По возвращении Х. в Ленинград (нояб. 1932) в его творческом сознании наблюдаются существенные перемены. Х. продолжает сотрудничать в ж. «Еж» и «Чиж», публикует там вольный перевод повести В. Буша «Плих и Плюх». Его принимают в СП СССР (1934). Он, как и прежде, посещает филармонические концерты (Х. великолепно играл на фисгармонии, с особым удовольствием И. С. Баха). Но стихи пишет все реже и реже. В 1934 начинает работу над философским трактатом **«Существование»** — не завершает. В марте 1937 в ж. «Чиж» публикует стихи **«Из дома вышел человек»**, после чего его перестают печатать и в детских изданиях: уж очень четко был прочитан подтекст «детских стишков» о бесследно пропавшем человеке. В том же 1937 Х. приступает к созданию прозаического цикла **«Случаи»**. 30 записей, близкие по характеру к анекдотам (туда войдут записи 1933–39), раскроют всю абсурдность окружающего Х. мира — не в сказочной игре случайностей, как прежде, а в трагической сути ежедневного существования человека. Здесь случайность предстала как сущность, безобразность — как эстетический канон, незаконченность повествования — как четкое выражение бессмысленности жизни. В повести **«Старуха»** (1939) торжествует идея «казни без вины», и неспроста она неоднократно будет уподоблена фантазмагориям Ф. Кафки. Лишенный средств к существованию, Х. заносит в свой дневник: «Удивляюсь человеческим силам. Вот уже 12 января 1938 года. Наше положение стало еще много хуже, но мы все еще тянем. Боже, пошли нам поскорее смерть» (**Горло бредит бритвою**. С. 137). 23 авг. 1941 как уже бывший под следствием по политическому подозрению Х. подвергается аресту. Его принимают за сумасшедшего (возможно, это последняя «игра» Хармса), помещают в тюремную психиатрическую больницу, где он и умирает.

Один из наставников и соратников Х. отмечал, что для него было характерно «понимание жизни как чуда, причем абсолютно бескорыстного чуда», «потому он говорил, что в жизни есть две высокие вещи: юмор и святость». Причем «три главные темы его творчества — жизнь в чуде, обнажение неко-

торых лицемерно скрываемых сторон его жизни и тема недочеловека — настолько переплетаются, что создается какой-то новый литературный жанр. Страшное в этих вещах уже уходит за пределы искусства» (Друскин Я. Дневники. СПб., 1999. С. 112–113). Мрачным искусством стала в конце концов жизнь Х. А вот его творчество жизнестойко. Он является несомненным классиком детской литературы, в области драматургии предвосхитил и в чем-то превзошел новации абсурдистов С. Беккета и Э. Ионеско, стал достойным соперником Ф. Кафки в области прозы, создал жанр современного «черного анекдота» (не случайны появления анекдотов, приписываемых Х. См.: Горло бредит бритвою. С. 219–236). В целом же Х. подарил нам образ человека, который в тисках жесткого режима был верен принципу: «Мы хотели быть истинно свободными...» А гармонию нес в своей душе: «Это единственное, чем я горжусь: вряд ли кто чувствует так гармоничность в человеке, как я. Может быть, на всей земле всего тысяча таких людей. Одни чувствуют ее в руках, другие в голосе, а я во всем. И это совсем не правильность черт. Можно быть одноглазым и гармоничным» [Липавский Л. Из разговоров «Чинарей» // Аврора. 1989. № 6. С. 131].

Соч.: ПСС: [в 3 т.]. СПб., 1997; ПСС: Неизданный Д. Хармс. СПб., 2001; ПСС: Записные книжки. Дневники: в 2 кн. СПб., 2002; Соч.: в 2 т. М., 1994; Собр. произведений. Времен. Кн. 1, 2. 1978; Кн. 3. 1980; Кн. 4. 1988; Избранное. Würzburg, 1974; Полет в небеса: Стихи, проза, драмы, письма. Л., 1988; Случаи. М., 1989; Ванна Архимеда: сб. Л., 1991; Горло бредит бритвою: Случаи, рассказы, дневниковые записи // Глагол. 1991. № 4; Поэты группы «ОБЭРИУ»: сб. СПб., 1994. [Б-ка поэта. Б. серия]; «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах, исследованиях: в 2 т. [М., 1998]. Т. 2.

Лит.: Рахтанов И. «Еж» и «Чиж» // Рассказы по памяти. М., 1969. С. 143–190; Семенов Б. Даниил Иванович Хармс // Время моих друзей: Воспоминания. Л., 1982; Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Заболоцком: сб. М., 1984; Daniil Kharms's and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials. London, 1991; Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995; Кукулин И. Рождение постмодернистского героя по дороге из Санкт-Петербурга через Ленинград и дальше // Вопр. лит-ры. 1997. № 4; Ямпольский М. Беспамяство как исток (Читая Хармса). М., 1998; Кобринский А. «ОБЭРИУ» в контексте русского лит. авангарда. М., 1999; Токарев Д. Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М., 2002; Котельников В. «Звезда бессмыслицы» взойшла над Петербургом // Вопр. лит-ры. 2004. Ноябрь–дек.

Г. В. Филиппов

А. А. Харчиков

ХАРЧИКОВ Александр Анатольевич [21.12.1949, с. Кеньша Никольского р-на Пензенской обл.] — поэт, композитор, певец.

Родился в семье служащих; семья переехала в Саранск, где Х. закончил среднюю школу. В 1966–69 служил на флоте. Принимал участие в египетско-израильской войне 1968, был ранен, но остался в строю. После флотской службы учился в Мордовском гос. ун-те в Саранске, который и окончил в 1974, получив диплом специалиста по промышленной электронике. Работал инженером на ряде предприятий Саранска, Пензенской обл., Ленинграда.

В семье Х. была богатая библиотека, благодаря которой Х. с детства приобрел любовь к классике и исторической лит-ре. Первые стихи сочинял еще в юности, подражая Высоцкому и Визбору, но профессионально заниматься поэзией и музыкой начал с 1991. События этого года, приведшие к распаду советской сверхдержавы, определили место поэта среди национально-патриотической оппозиции. Напряженная политическая борьба 1990-х, охватившая также и сферу искусства, привела к рождению особого песенного жанра — «песен сопротивления». «В этих песнях звучит боль за горячо любимую Родину, тревога за ее дальнейшую судьбу и надежда на ее возрождение. Эти песни о сильных и мужественных людях, которые в наше смутное время не дрогнули и борются за ее честь и независимость. Эти песни написаны <...> большою русской души на нерве, на вскрике, на всхлипе, на вздохе», — отмечал А. Ступников в предисл. к первой книге Х.

Первые выступления барда состоялись в телевизионной передаче «600 секунд».